

Сергей Шанованов

Тень

ЗА МИНАРЕТОМ

18+

Сергей Шаповалов

Тень за минаретом

«Автор»

2026

Шаповалов С.

Тень за минаретом / С. Шаповалов — «Автор», 2026

Молодая москвичка прилетает в Анталию — пятизвёздочный отель, золотой песок, роскошь, в которой легко заблудиться. Родители отправили её сюда «остудить» отношения с женихом перед свадьбой. Но золотая клетка курорта трещит по швам, когда она встречает Кемаля — харизматичного курьера на мопеде, обещающего показать «настоящую Турцию». «Тень за минаретом» — жёсткая, физиологичная проза о том, как быстро рушится иллюзия свободы. О цене одного неверного шага. О золотой клетке, которая в один миг превращается в настоящую тюрьму — и о долгом, мучительном пути обратно, если обратный путь вообще возможен. Это не история о любви. Это история о выживании.

© Шаповалов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Иллюзия рая	6
Глава 1. Золотая пыль Анталы	8
Глава 2. Поворот не туда	12
Глава 3. Точка невозврата	16
Глава 4. Глиняные стены	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Шаповалов

Тень за минаретом

Глава

Пролог. Иллюзия рая

В VIP-зале аэропорта пахло кожей кресел и кофе из автомата, который варил его непросто долго, с каким-то подчёркнутым достоинством, словно давая пассажирам время осознать собственную значимость. Елена сидела у панорамного окна и смотрела на мокрую взлётную полосу. За стеклом шёл мелкий сентябрьский дождь — тот самый, московский, который не льёт, а висит в воздухе серой водяной пылью, оседая на воротниках и в складках зонтов. Самолёты выруливали медленно, как сонные рыбы.

Отец говорил по телефону. Он всегда говорил по телефону — даже в те редкие минуты, когда телефон молчал, он словно бы продолжал разговор, шевелил желваками, поджимал губы, кивал невидимому собеседнику. Сейчас он обсуждал какую-то поставку, и голос его звучал ровно, уверенно, с той особенной интонацией человека, который привык, чтобы его слушали и не перебивали. Мать сидела напротив, листала глянцевого журнала и время от времени поднимала глаза на дочь — не то чтобы с тревогой, скорее с хозяйским присмотром.

— Ты же понимаешь, Лен, мы не против Сергея, — сказала она, не отрываясь от странички с рекламой швейцарских часов. — Мальчик хороший. Семья приличная. Но вы слишком закрутились с этой свадьбой. Нервы у всех. Тебе нужно остыть.

Слово «остыть» прозвучало так, будто речь шла о перегревшемся двигателе. Елена перевела взгляд с дождя на мать. Та сидела в бежевом кашемировом пальто, которое стоило примерно столько же, сколько двухнедельный тур в Анталию, и выглядела безупречно — как картинка из журнала, который держала в руках. В её облике не было ни одной случайной детали: ни складочки лишней, ни волоска, выбившегося из причёски.

— Я не просила меня никуда отправлять, — сказала Елена тихо.

Отец закончил разговор, убрал телефон во внутренний карман пиджака и посмотрел на дочь поверх очков.

— Никто тебя не ссылает, — произнёс он примирительно. — Отдохнёшь. Море, солнце. Турция в сентябре — рай. У нас партнёры в Анталии, если что — позвонят, встретят. Отель пять звёзд, всё включено. Чего тебе ещё надо?

Чего ей ещё надо. Елена не ответила. Она подумала, что если бы у неё спросили, чего ей надо на самом деле, она, пожалуй, не смогла бы сформулировать. Может быть, чтобы отец хоть раз убрал телефон и посмотрел на неё не поверх очков, а прямо, как смотрят на человека, которому не нужно ничего объяснять про партнёров в Анталии. Может быть, чтобы мать хоть раз появилась перед ней без этого бежевого панциря, в чём-нибудь домашнем, простом, с распущенными волосами — и сказала что-нибудь не про «мальчик хороший, семья приличная», а про неё саму.

В динамиках объявили посадку. Голос диктора, женский, механически-приветливый, разнёсся по залу и растворился в шорохе чемоданов.

Елена поднялась. Дорогая сумка, купленная специально для этой поездки, оттягивала плечо. Мать подошла, поправила ей воротник — привычным движением, которое Елена помнила с детства, но которое теперь вызывало не благодарность, а глухое раздражение.

— Звони, — сказала мать. — И не сиди в номере. Купайся, загорай. Ты бледная совсем.

Отец обнял её коротко, сухо, пахло дорогим одеколоном.

— Через две недели дома, — сказал он. — И за свадьбу.

И подмигнул. Подмигнул так, словно они были сообщниками в каком-то деле, сути которого она не понимала.

Елена шла по рукаву к самолёту и думала, что две недели — это много и мало одновременно. Много, потому что четырнадцать дней в одиночестве, в чужой стране, среди незнакомых людей — это почти вечность для человека, который привык к шуму московских улиц и к разговорам, в которых никто никого не слышит. Мало, потому что через две недели всё вернётся на круги своя: свадьба, Серёжа, квартира на Пресне, воскресные обеды у родителей, где будут обсуждать ремонт, ипотеку и когда уже внуки.

Самолёт был полупустой. Елена села у окна, пристегнулась и закрыла глаза. Перед внутренним взором проплывали картинки: Серёжа, который дарит кольцо с таким лицом, будто подписывает важный контракт; мать, которая уже трижды переделывала список гостей; отец, который обещал оплатить банкет и забыл, потому что у него горят какие-то тендеры.

Она вдруг отчётливо поняла, что этот отпуск — не подарок и не передышка. Это ссылка. Мягкая, обставленная с комфортом, но ссылка. Клетка из золота, как она мысленно назвала её, ещё когда мать впервые заговорила о поездке. Клетка, в которой ты должен прийти в себя, образумиться, перестать капризничать — и вернуться послушным зверьком, готовым исполнять предписанное.

Иллюзия рая. Вот что такое этот отпуск.

Самолёт вздрогнул, оторвался от земли и начал набирать высоту. За окном проплывали серые облака, подсвеченные снизу огнями города. Елена смотрела, как Москва уходит вниз, уменьшается, превращается в россыпь огней, и чувствовала странную смесь страха и облегчения.

Она не знала, что обратно она вернётся другой — через девять месяцев, не через две недели. И что иллюзия рая обернётся иллюзией ада, который будет куда реальнее всего, что она могла себе вообразить в этом удобном самолётном кресле, под шум кондиционеров и вежливый голос стюардессы, предлагающей шампанское.

Она взяла бокал. Шампанское было холодным, колючим, и пузырьки лопались на языке, оставляя металлическое послевкусие — вкус золотой клетки.

Глава 1. Золотая пыль Анталы

Анталья встретила её жарой — той особенной, южной, которая не обжигает, а обволакивает, проникает под кожу, заставляя кровь течь медленнее. Елена сошла с трапа и на мгновение замерла: воздух был густым, почти видимым, он дрожал над бетоном взлётной полосы, и в этом дрожании чудилось что-то гипнотическое. Пахло керосином, разогретым асфальтом и чем-то сладким — не то цветами, не то специями, не понять.

Трансфер подали быстро. Кондиционированный микроавтобус, кожаные сиденья, бутылка воды с этикеткой на турецком. Водитель, улыбчивый турок лет сорока, всю дорогу что-то рассказывал по-английски — про погоду, про море, про то, что сентябрь — лучший месяц. Елена кивала, не вслушиваясь. За окном проплывали пальмы, белые виллы, рекламные щиты с улыбающимися людьми, держащими в руках бокалы с чем-то оранжевым.

ОТЕЛЬ возник из-за поворота неожиданно — огромный, белоснежный, с колоннами, арками и стеклянными лифтами, ползущими по фасаду, как прозрачные жуки. Вывеска горела золотом. Швейцар в красной ливрее распахнул дверь, и Елена вошла в холл, напоминающий скорее дворец, чем гостиницу: мраморный пол, хрустальные люстры размером с автомобиль, фонтан посреди зала, в котором плавали живые карпы. Пахло кондиционированным воздухом и дорогими духами — тем самым гостиничным запахом, который одинаков во всех пятизвёздочных отелях мира, от Дубая до Парижа.

Администратор за стойкой улыбнулся так, словно ждал её всю жизнь. Паспорт, подпись, ключ-карта. Всё быстро, отлаженно, без единой заминки.

— Добро пожаловать в рай, мадам, — сказал он и улыбнулся ещё шире.

Номер был на седьмом этаже. Огромная кровать с балдахином, балкон с видом на море, мраморная ванная с позолоченными кранами. На столике — корзина с фруктами и бутылка белого вина в ведёрке со льдом. Карточка: «С наилучшими пожеланиями от администрации». Елена провела пальцем по холодному боку бутылки, и на коже остался влажный след.

Она вышла на балкон. Море лежало перед ней — огромное, синее, неподвижное, словно нарисованное. Солнце клонилось к закату, и вода отливала расплавленным золотом. Где-то внизу, у бассейна, играла музыка, слышался смех, звон бокалов. Пахло морем, хлоркой и жареным мясом — ветер доносил запахи от ресторана на пляже.

Красиво, подумала она. Очень красиво. И пусто.

Пустота была внутри — та самая, московская, которую она надеялась оставить за бортом самолёта. Но пустота прилетела вместе с ней, распаковала чемоданы, устроилась в этом огромном номере, заняла кресло у окна и смотрела на неё с усмешкой. Ты думала, здесь будет иначе? Нет, дорогая. География не лечит.

Вечером она спустилась к ужину. Ресторан «шведский стол» поражал изобилием: горы креветок, башни из фруктов, мясо на гриле, десятки салатов, пирамиды пирожных. Люди накладывали еду на тарелки с какой-то жадной сосредоточенностью, словно боялись, что всё

это исчезнет. Немцы, русские, англичане — публика пёстрая, шумная, разномастная. Елена взяла бокал белого и села за столик в углу.

Она думала о Серёже. Они познакомились три года назад на дне рождения общей подруги, и всё было хорошо — правильно, как любят говорить родители. Он был из хорошей семьи. У него была квартира, машина, работа в банке. Он не пил, не курил, не изменял — во всяком случае, она так думала. Он хотел детей. Чего ещё желать? И всё же в последние месяцы Елена ловила себя на мысли, что смотрит на Серёжу как на предмет мебели — добротный, надёжный, но совершенно неинтересный. Она знала каждое его слово наперёд, каждое движение, каждый жест. Он был предсказуем, как расписание электричек.

Она отставила бокал и подумала, что зря вообще согласилась на эту помолвку.

Следующее утро началось с острого, назойливого солнца, пробивающегося сквозь неплотно задёрнутые шторы, и с громкого, пронзительно-чужого звука, который она не сразу опознала: азан. Где-то неподалёку, за территорией отеля, муэдзин выводил свою тягучую мелодию, и голос его плыл над пальмами, над бассейнами, над сонными туристами, ещё не успевшими занять шезлонги, — гортанный, вибрирующий, полный тоски и упрёка. Елена лежала, слушала этот напев, и ей казалось, что он обращён именно к ней. Вставай. Смотри. Слушай. Здесь всё не так, как ты привыкла.

После завтрака она пошла гулять. Территория отеля была огромной, ухоженной, почти неестественной в своём совершенстве: ровные ряды пальм, подстриженные кусты, газоны такой зелени, какая не снилась и английским паркам. Садовники в соломенных шляпах поливали цветы, и вода в лучах солнца рассыпалась радужной пылью.

У выхода за территорию она заметила мопед. Старенький, потрёпанный, он стоял у служебных ворот, и рядом с ним сидел на корточках молодой турок — курил и смотрел в телефон. На нём была выцветшая футболка, джинсы с протёртыми коленями и разношенные кроссовки. Рядом, пристёгнутый к багажной решётке, стоял термобокс с логотипом какой-то кебабной.

Он поднял глаза. Глаза были чёрные, быстрые, цепкие.

— Эй, — сказал он по-английски. — Ты русская?

Елена остановилась.

— Русская.

— Я знал. — Он улыбнулся. Улыбка была мальчишеская, открытая, не вязавшаяся с жёсткой линией челюсти и тёмной щетиной на щеках. — Русские всегда ходят с таким лицом. Скучают.

— Я не скучаю.

— Скучаешь. — Он затянулся, выпустил дым. — Пять звёзд, всё включено, а лицо как на похоронах.

Елена не нашлась что ответить. Он был прав, и правда эта прозвучала обидно и неожиданно.

— Меня зовут Кемаль, — сказал он, поднимаясь. — Я тут еду вожу. Для персонала. Не туристам. Туристы едят в ресторанах. — Он кивнул на термодом. — А персонал — вот это. Лахмаджун, кебаб. Хочешь попробовать?

— Я только что с завтрака.

— Тот завтрак — не еда. — Он сморщил нос. — Пластик. Турецкая еда — это другое. Я тебя угощу. Бесплатно. — Он подмигнул. — В честь знакомства.

Она покачала головой, но улыбнулась.

— Спасибо, не надо.

— Тогда кофе. Настоящий турецкий кофе. Здесь такого не варят.

— Я не пью кофе.

— Тогда чай. Чай ты пьёшь?

Чай она пила. И почему-то согласилась. Может быть, оттого, что этот парень был первым человеком за последние сутки, который говорил с ней не как с гостьей, не как с клиенткой, не как с пунктом в списке, а как с живым человеком. Или оттого, что в его глазах горел какой-то живой, почти детский огонёк, которого она давно не видела ни у кого из своего окружения.

Они сидели на парапете у служебной парковки, пили чай из маленьких стеклянных стаканчиков, и Кемаль рассказывал. Он говорил по-английски плохо, с сильным акцентом, путал артикли и времена, но в его речи было что-то подкупающее — может быть, та самая прямота, которую Елена так редко встречала в Москве, где каждое слово проходило тройную фильтрацию. Он рассказывал про Анталию, про то, что туристы видят только фасад, декорацию, «как в кино», а настоящая Турция совсем другая. Про свою деревню в горах, куда он иногда ездит к родителям. Про то, что в отеле работает его двоюродный брат — барменом в лобби-баре, — и поэтому Кемалья пускают на служебную территорию.

— Ты видишь только это, — он обвёл рукой пальмы, бассейны, белые корпуса отеля. — Но это не Турция. Это... как сказать... декорация. Disneyland. А Турция — там. — Он махнул рукой куда-то в сторону гор. — Хочешь, покажу?

Елена посмотрела на него. Чёрные глаза смотрели прямо, без смущения, без подобострастия. В Москве на неё так не смотрел никто.

— Когда? — спросила она.

— Завтра. Утром. У меня выходной. Поедем на мопеде. Я покажу тебе горы, настоящую деревню, речку. Там красиво. Не как здесь. По-настоящему.

Она колебалась ровно секунду. Может быть, две. Здравый смысл подсказывал, что соглашаться на поездку с незнакомым курьером в чужой стране — глупо и опасно. Но здравый смысл говорил голосом матери. А голос матери Елена слушала всю жизнь — и вот к чему это привело: к золочёной клетке, к помолвке с человеком, которого она не любила, к отпуску, который был вовсе не отпуском, а побегом от самой себя.

— Хорошо, — сказала она. — Покажи.

Кемаль улыбнулся, и в его улыбке ей почудилось что-то новое — не просто мальчишеская радость, а какой-то глубинный, тёмный огонёк, мелькнувший на дне чёрных глаз. Но она не придавала этому значения. Солнце, чай, жара, гортанная турецкая речь вокруг — всё это притупляло бдительность, усыпляло, погружало в сладкое, вязкое оцепенение.

Она вернулась в номер. Включила кондиционер на полную мощность, легла на кровать и долго смотрела в потолок. Где-то там, за стеклянной стеной отеля, шумело море. А где-то ещё дальше, за горами, лежала другая страна — настоящая, если верить Кемалю. Страна, которую она хотела увидеть.

Она ещё не знала, что эта страна её поглотит.

Глава 2. Поворот не туда

Он ждал её у служебных ворот в семь утра. Солнце ещё только поднималось из-за гор, и воздух был по-утреннему прозрачен, ещё не отяжелевший от дневного зноя. Мопед стоял тут же — старенький «Хонда», краска на боках облупилась, сиденье потрескалось, но колёса были новые, и это внушало смутную надежду.

Кемаль курил, прислонившись к мопеду, и, увидев Елену, расплылся в улыбке.

— Не передумала, — сказал он одобрительно. — Русские девушки смелые.

— Русские девушки глупые, — ответила она, но улыбнулась в ответ.

На ней было лёгкое платье и сандалии — наряд, совершенно не приспособленный для горной дороги, но она об этом не думала. В голове стоял лёгкий, приятный туман, какой бывает после бессонной ночи, когда решение уже принято и обратного хода нет.

Она села позади него. Мопед затарахтел, выпустил сизое облачко дыма и покатил, набирая скорость. Выехали со служебной парковки, миновали шлагбаум, свернули на трассу.

Первые полчаса ехали вдоль побережья. Слева — море, бескрайнее, синее, сливающееся у горизонта с небом. Справа — отели, белые, многоэтажные, сверкающие стёклами. Потом отели кончились, и начался город — настоящий, не туристический: узкие улочки, облупившиеся фасады, верёвки с бельём, натянутые между балконами, вывески на турецком, крики торговцев, запах жареной рыбы и специй. Мопед петлял между машин, лавировал, нырял в какие-то проулки, и Елена вцепилась в плечи Кемалья — не от страха, а скорее от неожиданности. Плечи были твёрдые, горячие, и от его футболки пахло табаком и потом — запахом не противным, а каким-то живым, настоящим.

Город кончился внезапно. Дорога пошла вверх.

Серпантин начался сразу за последними домами. Асфальт сменился грунтовкой, грунтовка — каменистой тропой. Мопед гудел, надрывался, но полз вверх, к перевалу. Горы подступали со всех сторон — серые, поросшие колючим кустарником, кое-где расцвеченные пятнами диких цветов. Воздух стал суше, резче, в нём появился запах пыли и каких-то трав — горьких, пряных. Елена вдыхала этот воздух, и ей казалось, что с каждым вдохом из лёгких выходит что-то московское, спёртое, накопившееся за годы.

Они поднялись на перевал. Кемаль заглушил мотор и кивнул: смотри. Внизу, далеко-далеко, лежала Анталья — белая, плоская, как рассыпанная соль. Море уходило за горизонт. А за перевалом открывалась совсем другая картина: долина, зелёная, холмистая, с крошечными деревушками, прилепившимися к склонам, и тонкой ниткой реки на дне.

— Вот, — сказал Кемаль. — Это Турция. Настоящая.

Она молчала. Говорить не хотелось. Хотелось стоять и смотреть, и дышать, и чувствовать, как ветер треплет волосы, как солнце печёт плечи, как внутри что-то медленно, нехотя оттаивает.

Они поехали дальше. Миновали деревню — несколько домов, мечеть с единственным минаретом, стадо овец, перегоняемое через дорогу. Старик-пастух поднял руку в знак приветствия. Кемаль что-то крикнул ему по-турецки. Елена не поняла, но в голосе Кемалья ей послышалась какая-то новая интонация — более жёсткая, хозяйская.

Потом был обед. Кемаль остановился у придорожного кафе — даже не кафе, а навеса с пластиковыми столами, где старик в засаленном фартуке жарил на мангале кебаб. Они сидели на деревянных скамьях, ели руками, запивали айраном из глиняных кружек. Мясо было жёсткое, пряное, обжигающее рот. Мухи вились над столом, и Елена отмахивалась, но без раздражения. Здесь всё было иначе. Здесь не было отельного лоска, не было «шведского стола» с пирамидами креветок, и именно поэтому здесь было хорошо. По-настоящему.

После обеда Кемаль предложил подняться ещё выше — к водопаду, о котором знают только местные.

— Там никого нет. Вообще. Рай, — сказал он и снова подмигнул.

Она согласилась. Внутри шевельнулось что-то похожее на тревогу — но слабо, едва различимо. Солнце, жара, усталость, айран, горный воздух — всё это притупляло бдительность, как лёгкое опьянение.

Водопад был и правда райским местом. Узкое ущелье, заросшее буком и диким инжиром. Вода падала с десятиметровой высоты в каменную чашу, прозрачную до самого дна. Вокруг — ни души. Только шум воды и цикады.

Елена сбросила сандалии и вошла в воду. Ледяная, обжигающая — после дорожной пыли и пота это было почти больно, но боль была приятной, отвлекающей. Она стояла по колено в воде и смеялась — сама не зная чему.

А потом Кемаль подошёл. Он вошёл в воду прямо в джинсах, не снимая футболки, и встал рядом — слишком близко. От него пахло потом, табаком, дорожной пылью. Он взял её за руку — просто взял и всё, без спроса, без церемоний. Его ладонь была шершавой, мозолистой, совсем не такой, как у Серёжи.

Она не отдернула руку.

Она подумала о Серёже — и эта мысль промелькнула и исчезла, как тень птицы над водой. Серёжа остался где-то далеко, в Москве, в мире кондиционированных офисов, смс-сообщений, списков гостей на свадьбу. Здесь его не было. Здесь вообще ничего не было — только шум воды, запах инжира и эта шершавая ладонь, державшая её руку.

Кемаль повернул её к себе. Чёрные глаза смотрели прямо, без тени сомнения. Он что-то сказал по-турецки — тихо, вполголоса, — и хотя она не поняла ни слова, смысл был ясен.

Она не сопротивлялась. Может быть, оттого, что хотелось свободы — той самой, о которой она читала в книгах, но никогда не пробовала на вкус. Может быть, оттого, что хотелось сделать наконец что-то неправильное, глупое, безрассудное — наперекор матери, наперекор Серёже, наперекор всей своей благополучной, распланированной на годы вперёд жизни.

Это случилось там, у водопада, на траве, под шум падающей воды. И после, лёжа на спине и глядя в небо — бесконечно высокое, бледно-голубое, чужое, — Елена чувствовала не стыд, не раскаяние, а странное, пьянящее чувство свободы. Как будто она перешагнула через невидимую черту и теперь дороги назад уже не было.

Они пробыли у водопада до заката, а потом ещё дольше — Кемаль разжёл костёр, достал из рюкзака лепёшки, сыр, помидоры, бутылку раки. Он пил из горлышка, предлагал ей, и она тоже пила — впервые в жизни, анисовая водка обжигала горло, туманила голову. Они сидели у огня, и Кемаль рассказывал — теперь уже без обычной своей улыбочности, серьёзно, даже мрачно. Он говорил о своей семье, о деревне, об отце, который держит дом в кулаке, о матери, которая никогда не смеётся. Говорил, что хочет вырваться, уехать в Стамбул, а может, и дальше — в Европу. Говорил, что туризм — это клетка, что он ненавидит отели, ненавидит туристов, ненавидит эту вечную улыбку, которую приходится носить, как маску.

Она слушала — и впервые за долгое время чувствовала, что слушает живого человека. Не функцию, не роль, не жениха из хорошей семьи, не отца с его деловыми интонациями. Живого. С болью. С ненавистью. С мечтой.

Уснули они там же, у костра, на старой куртке Кемалья.

Утром, когда солнце поднялось над ущельем, Елена проснулась с головной болью и странным чувством нереальности происходящего. Кемаль уже не спал — сидел на камне, курил, смотрел на водопад. Увидев, что она проснулась, он улыбнулся — но теперь в его улыбке ей почудилось что-то другое. Не радость. Скорее, удовлетворение. Как у охотника, проверившего силки.

— Пора ехать, — сказал он. — В отель. Твои, наверное, ищут.

Обратная дорога была другой. Солнце палило уже всерьёз, воздух дрожал над камнями, мопед ревел, переваливаясь через ухабы. Елена сидела позади Кемалья и думала. Думала о том, что произошло. О том, что теперь всё изменилось. О том, что она — уже не та Елена, которая вылетела из Москвы два дня назад.

Она думала, что это и есть свобода.

В отель они вернулись только к вечеру. Кемаль высадил её у служебных ворот, поцеловал в щёку — быстро, по-свойски, — и укатил, пообещав приехать завтра. Елена поднялась в номер. Включила телефон, который оставила в сейфе.

Тридцать два пропущенных звонка. Девятнадцать от матери. Восемь от Серёжи. Пять от отца.

Она не стала перезванивать. Сбросила платье, встала под душ и стояла так долго-долго, глядя, как вода — ржавая от горной пыли — стекает в сливное отверстие.

И только потом, уже лёжа в кровати, она вдруг отчётливо, почти физически ощутила: с ней что-то случилось. Не просто приключение, не просто измена, не просто глупость. Что-то, чего она ещё не могла назвать словами, но что уже начало свой медленный, неотвратимый ход — как камень, сорвавшийся со скалы и ещё не долетевший до дна.

Глава 3. Точка невозврата

Серёжа прилетел на следующее утро. Не предупредил, не позвонил — просто взял билет и прилетел. Она ещё спала, когда в дверь номера постучали — не вежливо, не по-гостиничному, а громко, требовательно, тем особенным стуком, который не спутаешь ни с чем: так стучат люди, имеющие право.

Елена открыла. Он стоял на пороге — в мятой рубашке, с красными от недосыпа глазами, с дорожной сумкой через плечо. От него пахло самолётом, тем особенным запахом рециркулированного воздуха и чужого пота, который въедается в одежду за четыре часа полёта. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Потом он вошёл, бросил сумку на пол и закрыл за собой дверь.

— Ты не брала трубку, — сказал он. Голос был ровный, но в нём звенела та особенная, хорошо знакомая Елене нота — нота сдерживаемой ярости. Так он говорил с подчинёнными, когда те срывали дедлайны. — Тридцать два звонка. Твоя мать с ума сходит. Я с ума схожу. Что происходит?

Елена стояла посреди номера, кутаясь в гостиничный халат. Солнце било в окно, и в его лучах плясали пылинки — золотая взвесь, невесомая и бесполезная. Она смотрела на Серёжу и думала о том, что ещё позавчера его приезд показался бы ей романтическим жестом, а теперь он казался лишь вторжением. Грубым, бесцеремонным вторжением в её новую, ещё не до конца осознанную жизнь.

— Я была занята, — сказала она тихо.

— Занята? — Он усмехнулся. Усмешка вышла кривая, нехорошая. — Ты в отпуске. В пятизвёздочном отеле. Чем ты можешь быть занята?

Она молчала. И это молчание было красноречивее любых слов. Серёжа смотрел на неё — сначала с недоумением, потом с подозрением, потом с тем особым мужским чутьём, которое срабатывает безошибочно, как детектор лжи.

— Лена, — сказал он медленно. — Где ты была вчера?

— Гуляла.

— Гуляла. Весь день. И всю ночь.

— Да.

— Одна?

Она подняла глаза. Серёжа был высок, широк в плечах, красив той правильной, спортивной красотой, которая так нравится матерям. Сейчас он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на неё сверху вниз — как смотрят на провинившегося ребёнка. И в этом взгляде было

всё: его уверенность в своей правоте, его убеждённость в том, что он имеет право спрашивать, его хозяйское отношение к ней как к вещи, которая временно вышла из-под контроля.

И Елена вдруг поняла, что больше не хочет. Ни оправдываться, ни объяснять, ни притворяться. Не хочет — и не будет.

— Не одна, — сказала она. Голос прозвучал спокойно, почти буднично. — Я была с мужчиной.

Тишина. Пылинки в солнечном луче замерли. Кондиционер щёлкнул и загудел громче.

— Что? — переспросил Серёжа. Ей показалось, что он не понял. Но он понял. Просто не поверил.

— Я была с мужчиной, — повторила она. — С турком. Его зовут Кемаль. Мы провели ночь в горах.

Серёжа молчал. Лицо его не изменилось — оно окаменело. Только желваки заходили под скулами да пальцы, сжимавшие лямку дорожной сумки, побелели.

— Ты врёшь, — сказал он наконец.

— Нет.

— Ты хочешь меня разозлить. Это такая игра?

— Нет, Серёж. Не игра.

Он отшвырнул сумку. Та ударилась о стену, что-то внутри звякнуло — кажется, флакон с одеколоном. Серёжа подошёл вплотную. От него пахло потом и злостью, и запах этот был острым, животным, почти невыносимым.

— Я ради тебя всё бросил, — заговорил он быстро, захлёбываясь словами. — Я прилетел. Я волновался. А ты... ты с каким-то турком? С курьером? С официантом? Ты в своём уме?

— Он не официант.

— Да мне плевать, кто он! — Он почти кричал. — Ты — моя невеста. У нас свадьба через два месяца. Ты носишь моё кольцо. Или ты забыла?

Елена опустила взгляд. Кольцо было на пальце — тонкий платиновый ободок с бриллиантом, который Серёжа выбирал два месяца, советуясь с её матерью. Она медленно сняла его. Кольцо соскользнуло легко, почти охотно — палец загорел на турецком солнце, но под кольцом осталась белая полоска незагоревшей кожи.

— Что ты делаешь? — спросил Серёжа. Голос его вдруг сел, стал хриплым.

Она замахнулась. Кольцо описало короткую дугу и ударилось о стену — не о ту, куда упала сумка, а о противоположную, над кроватью. Звякнуло — тонко, жалобно. Отскочило. Закатилось под кровать.

Серёжа смотрел на неё так, словно она ударила его. Не кольцом — кулаком.

— Ты... — он не договорил. Подошёл, опустился на колени, пошарил рукой под кроватью. Достал кольцо. Положил на ладонь. Бриллиант подмигивал в солнечном свете — насмешливо, как показалось Елене.

— Ты сейчас не в себе, — сказал он, поднимаясь. Говорил он теперь тихо, почти спокойно, но это было спокойствие человека, который ещё не до конца осознал случившееся. — Давай так. Я пойду. Прогуляюсь. Вернусь через час. А ты подумаешь. Хорошо подумаешь. И мы поговорим. Как взрослые люди.

— Не надо возвращаться, — сказала Елена.

— Что?

— Не надо. Я всё решила.

Серёжа уставился на неё. Казалось, он пытается найти в её лице хоть что-то знакомое — ту Лену, которую он знал три года, с которой собирался прожить всю жизнь. Но той Лены больше не было. Перед ним стояла другая женщина — чужая, с обветренными губами, с загаром на плечах, с глазами, в которых горел какой-то новый, незнакомый ему огонь.

— Ты сошла с ума, — сказал он тихо. — Тебя лечить надо.

Она не ответила. Подошла к шкафу, достала чемодан, бросила на кровать. Начала складывать вещи — быстро, сноровисто, не глядя. Платья, бельё, косметичка, паспорт. Серёжа стоял и смотрел — всё ещё не веря, всё ещё надеясь, что это спектакль, что сейчас она остановится, расплачется, скажет «прости, я не знаю, что на меня нашло». Но она не останавливалась.

Телефон на тумбочке завибрировал. Экран высветил: «Мама». Елена, не глядя, сбросила. Через секунду — снова. И снова. И снова.

— Ты ей хоть позвони, — сказал Серёжа глухо. — Она же там с ума сходит.

Елена взяла телефон. Посмотрела на экран. И нажала «отключить».

— Я позвоню. Потом.

— Когда — потом? Лена, ты вообще соображаешь, что делаешь?

— Впервые в жизни соображаю, — ответила она.

Она застегнула чемодан. Сняла с вешалки лёгкую куртку. Подошла к двери. Серёжа преградил дорогу — не агрессивно, скорее растерянно, как человек, который пытается удержать воду в решете.

— Лена... — начал он.

— Дай пройти.

— Ты пожалеешь. Ты не понимаешь, что делаешь. Это же не просто так — бросить всё и уйти к какому-то... турку. У него ничего нет. Ты его даже не знаешь.

— Тебя я тоже не знала. И что?

Он отступил. Медленно, нехотя, как отступают перед неизбежным. Елена открыла дверь, вышла в коридор и, не оборачиваясь, пошла к лифту.

Лифт спускался долго — семь этажей, семь вспышек цифр на табло. Она стояла, держа чемодан за ручку, и смотрела на своё отражение в зеркальной стене кабины. Из зеркала на неё глядела молодая женщина с решительным, почти отчаянным лицом. Узнать в ней вчерашнюю московскую невесту было трудно.

В холле она прошла мимо фонтана с карпами, мимо швейцара, который, узнав её, вежливо поклонился, мимо туристов, тянущих чемоданы к автобусу. Вышла на улицу. Жара ударила в лицо — плотная, неумолимая. Солнце стояло в зените. От асфальта поднималось марево.

Она достала телефон, включила. Сорок семь пропущенных звонков. СМС от матери: «Лена, возьми трубку. Я знаю, что Серёжа вылетел. Пожалуйста». СМС от отца: «Это не смешно. Позвони». СМС от подруги: «Ты там жива вообще???»

Она не ответила ни на одно. Нашла в записной книжке номер Кемаля — он дал ей его накануне. Написала: «Я ушла из отеля. Забери меня».

Ответ пришёл почти мгновенно: «Жду у ворот».

Через пять минут она сидела на мопеде позади Кемаля, и чемодан, примотанный верёвкой к багажнику, подпрыгивал на ухабах. Ветер бил в лицо, солнце жгло плечи, а внутри было странное, пугающее чувство — смесь ужаса и восторга. Как у человека, который шагнул с обрыва и ещё не знает, раскроется ли парашют.

Она не обернулась. Ни на отель. Ни на Серёжу, который, возможно, стоял сейчас у окна и смотрел на удаляющийся мопед. Ни на свою прежнюю жизнь, которая осталась там, на седьмом этаже, вместе с обручальным кольцом, закатившимся под кровать.

Точка невозврата была пройдена. Дальше дорога шла только вниз — под гору, в неизвестность, из которой, как ей тогда казалось, она выйдет победительницей.

Глава 4. Глиняные стены

Кемаль снимал квартиру в районе, которого не было ни на одной туристической карте. Мопед долго петлял окраинными улицами, где асфальт сменялся щебёнкой, щебёнка — пылью, а пыль — утоптанной глиной. Дома здесь были низкие, приземистые, слепленные из бетонных блоков и кое-как оштукатуренные. На верёвках, протянутых между окнами, сушилось бельё. Тощие кошки жались к стенам, спасаясь от солнца. Пахло жареным луком, мусором и нагретой пылью — тем особым запахом бедности, который всюду одинаков, будь то окраина Анталии или депрессивная деревня под Москвой.

Кемаль заглушил мотор у трёхэтажного дома песочного цвета с облупившейся краской. Вывески не было. Вместо подъезда — железная дверь, выкрашенная синим, и каменная лестница без перил, стёртая тысячами шагов.

— Здесь, — сказал Кемаль. — Мой дом. Скромно, но жить можно.

Елена посмотрела на дом. В Москве она привыкла к другому: мраморные холлы, консьержи, бесшумные лифты. Здесь консьержем служил старик с чёрными от грязи ногтями, сидевший на перевёрнутом ящике у двери. Завидев Кемаля, он кивнул, перевёл взгляд на Елену, оглядел её — медленно, без стеснения, как оглядывают скотину на базаре, — и сплюнул на землю.

Квартира была на втором этаже. Кемаль отпер дверь и пропустил её вперёд. Елена вошла и остановилась. Комната была одна. Узкая, вытянутая, с низким потолком и единственным окном, выходящим на соседскую стену. Мебель: продавленный диван, стол с пластиковой скатертью, два стула, шкаф с оторванной дверцей. На стене — выцветший плакат с видом Босфора и пожелтевшая газетная вырезка. В углу — газовая плита на две конфорки. Полы дощатые, некрашенные, с чёрными щелями между досок. Вместо люстры — лампочка на шнуре, свисающая с потолка.

Пахло сыростью, старой известкой и табаком. Где-то за стеной заплакал ребёнок. С улицы доносился гул мопедов и гортанная турецкая речь.

— Мило, — сказала Елена. Она сама не знала, что имела в виду.

Кемаль поставил её чемодан в угол. Обвёл комнату рукой — хозяйским, горделивым жестом.

— Это временно, — сказал он. — Потом переедем. У меня есть план. Я скопил денег. Открою своё дело. Небольшой ресторан. Или магазин. Ты мне поможешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.